

Ситнянский Г.Ю.¹

Совместима ли Евразийская Политическая Культура с Европейской?

Аннотация. В статье развиваются идеи А.А. Никишенкова о евразийских аспектах политической культуры современной России. Автор ставит два ключевых вопроса. Первый: действительно ли евразийская политическая культура диаметрально противоположна европейской? Второй: действительно ли евразийский фактор оказывал негативное влияние на формирование политической культуры нашей страны?

Автор детально анализирует политические структуры и традиции народов Великой Степи, включая Средневековую Русь и древнее Русско-кипчакское государство, основанных на Азиатском способе производства. Он приходит к выводу, что эти общества были не деспотическими, а достаточно демократическими, способными к контролю за властью и самоэволюции. Эта черта кочевых обществ сближает их с демократическим Западом и противопоставляет деспотичному Востоку.

Автор анализирует ряд исторических событий, включая последние «революции» на пост-советском пространстве (Грузия, Кыргызстан, Украина). Он приходит к выводу, что власть и оппозиция действуют и противодействуют на едином политическом поле, что характерно для европейской политической культуры. Он также противопоставляет Золотую Орду и Московскую Русь. Он доказывает, что Орда была не частью Русского государства, а внешней силой по отношению к нему. Следовательно евразийский, русско-кипчакский вариант политического развития был не «ориентализирован» или искажен, а лишь замедлен. Октябрьская революция ускорила этот процесс руками горстки радикалов-западников. В итоге автор приходит к выводу, что современная Россия имеет один единственный путь политического развития – европейский.

Ключевые слова: демократия, деспотизм, само-эволюция, евразийская политическая культура, русско-кипчакское государство

УДК 930.85+908(4)

Abstract. The author develops the ideas of Alexei A. Nikishenkov about the Eurasian aspects of political culture of contemporary Russia. The following two questions are explored in the article. First, is the Eurasian political culture completely opposite to the European one? Second, did Eurasian tendencies negatively affect the development of Russian political culture?

¹ *Ситнянский Георгий Юрьевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

The author analyzes in detail the political structures and practices of peoples of the Great Steppe, including Medieval Russia and the earlier Russian-Kypchak state, practising the so-called Marxism Asiatic mode of production. He notes that the societies were not despotic, but rather democratic, and capable of controlling their authorities and therefore to evolve. This feature brings nomadic, Great-Steppe societies closer to the Western (democratic) and not the Eastern (despotic) path of political development.

The author investigates several historical events, including recent 'democratic revolutions' in Georgia, Kyrgyzstan, and Ukraine. He argues that the authorities and opposition were playing and competing on the same political field, which is European political culture. He also juxtaposes the Golden Horde and Russia. He argues that the Horde was not part of the Russian State, but an external power. As a result, the Eurasian, Russian-Kypchak way of political development was not 'orientalized' and changed but delayed. The October Revolution sped up this process through a handful of 'occidentalists-radicals.' The article concludes by arguing that contemporary Russia has only one – 'western-like' – way of political development.

Key words: democracy, despotism, self-evolution, eurasian political culture, Russian-Kypchak State

Теория (и идеология) «евразийства» объявила Россию органическим синтезом населявших её народов, в течение последних полутора тысячелетий – преимущественно восточных славян и тюрков-степняков, каковой синтез и привёл к образованию на данной территории единого государства.

Но у евразийской идеологии есть ещё одна черта – она является антизападной, антилиберальной и тоталитарной. Как отмечал в своём докладе 22 апреля 2008 г. (на семинаре по евразийству в ИЭА РАН) А. А. Никишенков, доктрину классического евразийства можно условно свести к нескольким постулатам: Россия в пресловутой дихотомии «Запад – Восток» исторически занимает своеобразное место, не сводимое ни к западной (романо-германской), ни к восточным (азиатско-азиатским) цивилизациям; своеобразие российской (евразийской) культуры и государственности – результат многовекового творческого сотрудничества славян с иранскими, угро-финскими, балтскими, тюркскими и другими народами; духовная сущность русского самосознания – в православии.

Впрочем, равноудалённость от Запада и Востока была для евразийцев декларативной, это видно хотя бы по тому, что идеалом для них была империя Чингис-хана. Наиболее откровенно выразился один из видных евразийцев 1920-х гг. Э. Хара-Даван: монгольские ханы, а затем московские цари создали систему абсолютной власти, при которой вся страна была их полной собственностью, а подданные – крепостными рабами². Интересно, что преклонение перед различными Чингис-ханами не мешало, например, Н. С. Трубецкому приписывать Западу "поклонение грубой силе", "империалистический

² Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие// На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С.270.

колониализм", "вандалистическое культуртрегерство"; "ненасытную алчность, заложенную в самой природе международных хищников - романогерманцев"³.

Начиная с Петра I, продолжает Хара-Даван, в Россию пришли «чуждые нам западные ценности» – например, права и свободы личности, а также уважение к частной собственности⁴. Двухсотлетнее доминирование западноевропейского начала, внедрённого Петром I, породило порочное раздвоение культуры некогда органически цельного народного организма, что в свою очередь привело к развитию демократического радикализма и в конце концов разразилось братоубийственной гражданской войной и господством «мерзости и преступлений в большевистской России»⁵; революция 1917 г. – это не столько реализация злого умысла кучки марксистов (западников-радикалов), сколько народный бунт, вызванный давней болезнью общества, в которой повинен его высший слой.

Именно поэтому пути спасения лежат не в плоскости насильственной реставрации монархии или порядков Временного правительства (либерально-демократический проект), а в плоскости нравственного преодоления большевизма на основе постепенного восстановления православных идеалов любви и всеединства, которые были почти совсем выхолощены в официальной церкви, но еще не умерли в толще народного сознания (так называемое «бытовое исповедничество»); евразийская природа российского коммунизма обусловлена тем, что революция, уничтожив европеизированный правящий слой и всколыхнув страну, вынесла наверх людей из низов, из той среды, где подспудно всегда сохранялось народное православно-евразийское мироощущение, прикрытое у новых правителей лишь тонким слоем вульгарно-марксистской риторики. Большевики выполнили роль «санитаров истории», которые очистили Россию от этих «чужеродных заимствований»⁶.

Очищенная от этих «чужеродных заимствований» Россия-Евразия явно мыслилась большинством евразийцев как государство тоталитарное, идеократическое. Так, «евразиец № 1» Н. С. Трубецкой говорил о «евразийской партии» как о «государственно-идеологическом союзе, не делящемся властью с другими партиями и даже не допускающем существования других партий».⁷ Примерно то же самое утверждал один из видных евразийцев Н. Н. Алексеев, выдвигая тезис об однопартийной диктатуре, вдохновленной «идеей-правительницей». Евразийцы выступали за «единство народа», воля которого должна быть выражена «через определённого носителя»,⁸ причём «идея-правительница не может допустить

³ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 60 - 61; 68; 69; 82; 100.

⁴ Хара-Даван Э. Указ. соч. С.270.

⁵ Савицкий П.Н. Евразийство// Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 22.

⁶ Хара-Даван Э. Указ. соч. С.270.

⁷ Цит. по: Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. - М., 1993. - С.21.

⁸ Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. - М., 1993. - С.161-173.

существования... каких-либо неподконтрольных ей факторов»⁹. Подобных высказываний евразийцев можно собрать очень много.

Такое «евразийство» не могло не вызвать крайне негативное отношение среди сколько-нибудь свободомыслящих людей. Однако надо помнить, что, как полагал в том же докладе А. А. Никишенков, антизападническая критика евразийцев должна рассматриваться не только как критика извне, но и как критика изнутри. Это позиция европейцев по отношению к европейским же кризисным процессам, обнажённым и доведённым до необычайной остроты Первой мировой войной и революциями. Я же добавлю к этому, что именно в те годы (1920-1930-е) Европа породила множество тоталитарных идеологий.

Автор этих строк в 2012 г. опубликовал работу, в которой доказывал, что евразийство как представление о России как об органическом славянско-степном синтезе вполне совместимо и с либеральными и демократическими политическими учениями, указывая при этом на наличие у евразийцев либерального крыла, думающего примерно так же (П. М. Бицилли, Г. В. Вернадский, Ф. А. Степун, Г. П. Флоровский...)¹⁰. Кстати, не так давно «Новая газета» опубликовала статью о Ф. А. Степуне с характерным названием «Европеец в России»¹¹.

В самом деле, например, П. М. Бицилли придерживался той точки зрения, что признание евразийской сущности России не противоречит ее интеграции в Европу¹². Ф. А. Степун, будучи евразийцем, тоже полагал, что Россия-Евразия – скорее Европа¹³. Г. П. Флоровский говорил, что Россия все же ближе к неправославной Европе, чем к совсем не христианской Азии¹⁴. Г. В. Вернадский, будучи евразийцем в геополитической и культурной областях, по политическим симпатиям был ближе к кадетам¹⁵, и, признавая, что «монгольское иго способствовало отрыву России от Европы», добавлял: «Большой вопрос, насколько глубок был этот отрыв»¹⁶. Имеются сторонники подобной точки зрения и среди нынешних евразийцев – например, Р. Я. Евзеров.¹⁷ Наличие этого направления в евразийстве, кстати, ускользнуло от внимания А. А. Никишенкова, по крайней мере в цитированном мною докладе он их не упоминает.

⁹ Цит. по: Исаев И.А. Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства»// Проблемы правовой и политической идеологии. - М., 1989. - С.3-36.

¹⁰ Ситнянский Г.Ю. Либеральное евразийство – оксюморон или национальная идея для России?// Центр Востока и Запада. 2012. 14 апреля. Сайт <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630>. Дата обращения 29.11.2014.

¹¹ Петров Дм. Европеец в России// Новая газета. 12 ноября 2014.

¹² Бицилли П.М. Два лика евразийства// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. - С.279-291.

¹³ Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией// Россия между Европой и Азией... - С.307-327.

¹⁴ Флоровский Г.П. Евразийский соблазн// Россия между Европой и Азией... - С.237-265.

¹⁵ Пономарева Л.В. Типология евразийства// Евразийская перспектива. - С.54-71.

¹⁶ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории// Евразийский временник. - Париж, 1927. - С.250-264.

¹⁷ Евзеров Р.Я. Евразийские идеи в контексте эволюции СНГ// Переходные процессы. Проблемы СНГ. - М., 1994. - С.122-139; Евзеров Р.Я. Евразийский выбор России// Сайт <http://www.evraz-info.narod.ru>. Дата обращения 29.11.2014.

Как бы то ни было, прежде чем выносить решение по поводу евразийства, представляется необходимым ответить на два вопроса. Первый: действительно ли евразийская политическая культура диаметрально противоположна европейской? Второй: действительно ли евразийский фактор оказывал такое негативное влияние на формирование политической культуры нашей страны, как принято считать?

Начать представляется целесообразным с сопоставления политических культур Запада и Востока, поскольку нам предстоит определить, к каким из них ближе политическая культура евразийская. «Классические» евразийцы явно считали, что к Востоку, название одного из их сборников «Исход к Востоку» говорит само за себя. Как справедливо отмечает А. А. Никишенков, Восток для них был не экзотической далью, а своим российским явлением, "Востоком в себе", упорно не замечаемым русской гуманитарной традицией (история, этнография, языкознание), трактовавшей многие проблемы через призму славянорусского эгоцентризма, игнорировавшей тюркские, финские и прочие азиатские корни русской культуры в стремлении во что бы то ни стало быть "европейской". Евразийцы первыми указали на научную несостоятельность такого подхода, берущего начало в давнем западноевропейском мифе о дикости кочевого Востока, принципиально враждебного всякой цивилизации¹⁸.

Здесь опять-таки скажем, что принципиальная враждебность кочевого общества по отношению ко всякой цивилизации – это, конечно, миф, но опять-таки – ближе ли кочевое общество Европе или Востоку (термин «кочевой Восток», не ответив на этот вопрос, я пока употреблять поостерегусь). Итак, приступим к анализу.

Западные государства основаны на общественном договоре, который носит частный характер, не претендует на «лучшее обустройство мира», а лишь на решение какой-то проблемы в отношениях власти и общества, а то и какой-то одной части общества (или нескольких) по одному или нескольким конкретным вопросам каких-либо отношений государства и/или общества и личности.

Главное отличие Запада от Востока было в том, что на Западе появилась и развивалась мысль о том, что несовершенное государственное устройство можно заменить более совершенным, несовершенную социально-экономическую и/или политическую систему – лучшей и т.д. И только Европа, Запад оказались в состоянии самостоятельно провести социально-экономическую и политическую модернизацию (самоэволюцию), в процессе каковой модернизации обществу удалось элиминировать произвол власти¹⁹. А это, в свою очередь, проистекало из мысли о том, что государство – партнёр, которого можно уговаривать и убеждать перейти к реформам, а если власть не считается с настроением общества и вообще нарушает свои партнёрские обязанности, то его можно и заставить.

¹⁸ Гумилев Л.Н. Чёрная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

¹⁹ Янов А.Л. Европейское столетие России. М., 2009. С.10-11.

Разумеется, такой тип отношений формировался не сразу, а постепенно, исторический процесс при этом привёл к постепенному формированию того, что, собственно, и отличает Запад от Востока – *гарантии обществу и личности от произвола власти.*

Происходил и переход от примата власти (у кого власть – у того богатство, а при потере власти и богатства запросто можно лишиться) к примату собственности (у кого деньги – у того власть, причем потеря власти не влечет потерю богатства, поскольку собственность неприкосновенна).

В области политической надстройки такая перемена влекла за собой постепенный, хотя и очень трудный переход к демократии второго типа (т.е. к государству, прошедшему процесс «постепенного окультуривания власти-дикаря»).

Но это всё – Запад. На Востоке же политическая мысль в принципе не ищет путей политической, социальной и т.д. модернизации общества и не идёт дальше того, чтобы устранить (как правило – физически) «плохого» падишаха или богдыхана, заменив его «хорошим». Об этом писал, например, выдающийся исследователь восточных деспотических систем К. Виттфогель: «Критики /азиатского деспотического государства/ жаловались лишь на злоупотребления отдельных чиновников или на специфические акции правительства... Но <...> ставили себе <...> целью лишь оздоровление тотальной власти, принципиальную желательность которой они не оспаривали»... В конце концов они неизменно возрождали <...> деспотизм, некомпетентных представителей которого они устранили»²⁰.

На Востоке имеет место «равенство без свободы». Вот что говорит, например, известный российский писатель и публицист хорватского происхождения Ю. Крижанич про Османскую Империю XVII в.: «Турки не обращают никакого внимания на родовитость (поскольку наследного боярства там нет), но говорят, что они смотрят на искусство, ум и храбрость... Так одним махом из самых низших становятся наивысшими, а из наивысших – наинизшими». На самом деле, однако, «такое дело лишает людей всякой храбрости и порождает ничтожество и отчаяние. Ибо никто не бывает уверен в своём положении, богатстве и безопасности для жизни»²¹. А вот «у французов и испанцев [и у всей Европы – Г.С.] бояре имеют пристойные, по роду переходящие привилегии. И потому там ни простой народ, ни воинство не чинят королям никакого бесчестия. А у турок, где никаких привилегий благородным людям, король зависит от глуподерзия простых пеших стрельцов»²².

Таким образом, на Западе аристократия, борясь с монаршей властью за свои права, сама того не желая, расчищала дорогу демократии. Наличие определённых (пусть и неравных) прав у разных сословий должно было рано или поздно поставить перед «простыми людьми» вопрос: если мы все произошли от Адама и Евы, то почему мы не равны в правах? «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда

²⁰ Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P.134.

²¹ Крижанич Ю. Политика. М., 1968. С.438.

²² Там же. С.599.

был дворянином?» - этот средневековый афоризм со временем трансформировался в положение «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.: «Все люди рождаются свободными и равными в правах».

На Востоке равенство было всегда, но – равенство в бесправии. Исключением тут была Индия – там с глубокой древности имело место кастовое деление. Второе исключение – Япония. Как ни несправедливо, с современной точки зрения, деление на социальные страты просто по праву рождения, но всё же, видимо, на пути к демократии и равноправию необходимо пройти через деление на сословия и через неравенство в правах. Едва ли случайно именно Индия и Япония наиболее успешно из всех азиатских стран строят теперь демократическое общество.

Далее, восточное общество сформировано было на экономическом принципе «власти-собственности» (или, по К. Марксу, «азиатского способа производства»), когда собственность напрямую связана с властью и может быть потеряна одновременно с нею. Такое государство лишило все слои общества экономической независимости от себя. Конечно, и на Западе в докапиталистические времена собственность не всегда была гарантирована. Однако, во-первых она не всегда была и *не* гарантирована, а во-вторых, на Западе проходил и прошёл постепенный переход от «власти-собственности» к «собственности, независимой от власти».

Уяснив всё это, мы переходим к анализу политической культуры евразийских кочевых народов.

Степные кочевые правители опираются на войско, которое состоит из всего народа и соответственно обладает правом голоса. О постоянном аппарате подавления нет и речи. Примером отсутствия аппарата подавления может служить, например, отсутствие тайной полиции: когда китайское правительство эпохи Тан (618-907 гг. н.э.) попыталось внедрить в ряды нанявшихся к нему на службу тюркских кочевников агентов «Тайного приказа», то вынуждено было отказаться от этого, поскольку тюрки не признавали права власти следить за своими подданными и убивали раскрытых доносчиков²³.

В качестве примера разности политических культур можно привести судьбу одного из кокандских ханов (Кокандское ханство – государство на территории нынешней Ферганской долины, существовавшее с начала XVIII в. до 1876 г.) – Шералы. В течение 35 лет (1808-1842) этот хан проживал среди киргизов Таласской долины и получил соответственное воспитание. В ходе борьбы с оккупировавшими ханство бухарскими войсками Шералы был призван на царство и по изгнании бухарцев начал править, однако долго на троне не усидел и вскоре был убит²⁴.

²³ Гумилёв Л.Н., Куркчи А.И. Чёрная легенда// Хазар. 1989. № 1-2.

²⁴ Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С.159-161; Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С.30-37.

В. П. Наливкин считает, что это произошло оттого, что «народ привык видеть в ханах нечто близкое к палачам и не понимал гуманности»²⁵. Однако тут уместно, по нашему мнению, говорить не столько о «гуманности» (свирепые тираны бывали и в Европе; бывали они, несомненно, и у евразийских кочевников), сколько о разности политических культур евразийцев-киргизов, среди которых воспитывался Шералы, и кокандцев – типичной восточной деспотии. По мнению Ч. Ч. Валиханова, по сравнению с казахами киргизы, ближе соприкасавшиеся с восточными деспотиями, переняли от них некоторые негативные черты. Так, если казахские султаны были ограничены советами старейшин и представителями «чёрного народа», то киргизские манапы (главы племенной знати) обладали неограниченной властью, были полными господами «чёрного народа», могли продавать и убивать простолюдинов. При этом у киргизов народ имел больше прав и больше влияния на государственные дела в наиболее удалённом от границ Кокандского ханства племени бугу (восточный берег оз. Иссык-Куль)²⁶.

Итак, мы видим, что у степных кочевников имеет место неравенство в правах (есть родовая знать – «бояре» Ю. Крижанича, «имеющие пристойные и по роду преходящие привилегии» – и простолюдины, «чернь»), хотя сложно сказать, имело бы место «постепенное осознание равенства людей через религиозные постулаты», если бы после XVI-XVII вв. продолжалось самобытное развитие Степи. Ещё социальная система Древнетюркского государства (вторая половина I тыс. н.э.) предусматривала деление на «аристократию» и «простолюдинов»²⁷. При Чингизидах (XIII в.) фактически было установлено восточное «равенство в бесправии». В целях уничтожения старой кипчакской степной знати после завоевания кипчакских степей Чингис-ханом было проведено так называемое раскашивание, т.е. расформирование старых кипчакских племен и включение их в состав новых, пришедших с завоевателями тюркских и монгольских племен (найман, кирей, кунграт и т.д.)²⁸.

Уничтожение старой, имеющей «по роду преходящие привилегии» знати, помимо всего прочего, скоро сделало ханов «зависимыми от глуподерзия простых ... стрельцов» (правда, конных, а не пеших). Пиком этой зависимости стала «Великая замятня» в Золотой Орде, когда «простые стрельцы» меняли ханов чуть не ежегодно. Однако по мере распада Монгольской империи степное общество постепенно возвращалось к традиционной системе: во всяком случае, киргизы в XVI в. уже вновь воспроизвели древнетюркскую социальную систему²⁹. Вероятно, примерно тогда же это осуществили и казахи.

Из последнего видно и то, что такое кочевое общество способно к самоэволюции, по крайней мере ограниченно: кочевники оказались способны вернуться от деспотии Чингизидов к традиционному

²⁵ Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С.154.

²⁶ Валиханов Ч.Ч. Разделение на сословия: манапы и их значение// Избранные произведения. Алма-Ата, 1952. С.289-290.

²⁷ У истоков кыргызской национальной государственности. Бишкек, 1996. С.85.

²⁸ См., напр.: Капаев И. Бессмертная смерть. Ставрополь, 2004. С.71.

²⁹ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С.38-41.

устройству; при этом есть основания думать, что на периферии бывших Чингизидских империй (к каковой относятся и степи Казахстана и север Киргизии) это возвращение шло быстрее, чем, например, в ставшем центром Золотой Орды Поволжье.

Государственное устройство у степных кочевников – среднее между «абсолютизмом, олигархией», иногда – демократией «не для всех» и «ограниченной демократией». Степная демократия была «демократией не для всех»: фактически делами заправляли, как правило, племенная верхушка и богатые скотоводы. Остальные, формально имея такие же права, не всегда могли участвовать в управлении, поскольку в момент принятия решений находились со своими стадами далеко на откочёвке³⁰. Вспомним, что и в Афинах в народном собрании зачастую не участвовали крестьяне, которые не могли в разгар полевых работ прийти в город.

Собственность в кочевом евразийском обществе ограничено гарантирована, поскольку основу экономики составляло скотоводство. Между тем скот в досоветские времена всегда и везде находился в частной собственности в силу того, что уход за скотом – дело сугубо личное, индивидуальное³¹, а отнять скот у кочевника не так-то просто. Так, восстание 1873-1875 гг., приведшее к крушению Кокандского ханства, начали именно кочевники-киргизы: когда ханские сборщики податей начали собирать дополнительный налог (по три овцы с каждой юрты), скотоводы просто откочевали (в количестве 30 тыс. хозяйств), и справиться с ними ханская администрация в итоге так и не смогла³².

Из всего сказанного очевидно: евразийская политическая культура близка к средневековой Европе, а не к Востоку, при хотя бы частичной способности к самоэволюции.

Что же касается Руси-России, то она стала евразийским государством не после татаро-монгольского нашествия, а примерно веком ранее, при Владимире Мономахе. С 1093 по 1116 гг. Русь провела успешную войну с кипчаками, после чего об опасности с их стороны для Руси не могло быть и речи. А геополитическим итогом этой войны стало то, что в первой четверти XII в. Владимир Мономах создал русско-кипчакское полицентрическое государство. Победив кипчаков (половцев) в длительной войне, он, однако, не стал их завоёвывать, поработать и унижать, а предложил отношения партнёрства и симбиоза. Начиная со второй четверти XII в. на территории Руси и Кипчакской степи возникло единое образование, и с этого момента кипчаки приходили на Русь только как союзники тех или иных русских князей в борьбе с другими князьями, равно как русские князья ходили походами в Степь исключительно как союзники одних ханов против других³³.

³⁰ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе// Избранные произведения. С.203.

³¹ Масанов Н.Э. Взаимодействие естественно-природных и социально-экономических факторов в историко-культурном развитии кочевого общества. М., 1989. С.147.

³² Плоских В.М. Указ. соч. С.307-310.

³³ См. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь М., 1993. С.310-327.

Да, это государство было аморфным, подверженным феодальной раздробленности, но так было в те времена во всей Европе, и с преодолением раздробленности государство Мономаха вполне могло бы организоваться как централизованное, на европейских началах. Что этому могло помешать? Разный этнический состав? Но ведь и Франция, например, в то время делилась на две сильно отличные части – Лангедок и Лангедойль, не говоря уже о многих меньших этносах – бретонцах, гасконцах и т.д. Представители всех этих этносов не считали себя французами, зачастую плохо знали французский язык.

Русско-кипчакское государство XII в. было, как и собственно Русь, евразийским, но и, говоря словами Н. А. Бердяева, европейским, «не замкнутым от Запада, восприимчивым и свободным в своей духовной сути и политической организации»³⁴, а также не имперским, сравнительно миролюбивым и, по меркам того времени, демократическим: на Руси господствовал вечевой строй, а в Степи – «степная демократия», основанная на отсутствии у степных ханов аппарата подавления.

Принято считать, что Россию свернула с европейского пути развития Золотая Орда. К началу XX в. версия о монгольском происхождении России и её государственной системы стала общим местом. Вот и евразийцы – например, Н. С. Трубецкой – говорят о том же: «Свержение татарского ига» [кавычки Трубецкого – Г.С.] свелось ... к перемещению ханской ставки в Москву. Московский царь [оказался] носителем татарской государственности»³⁵.

Однако это не совсем так, всё значительно сложнее. Да, в Орде первоначально власти задавили степную демократию, сменив ее ханской деспотией, что было связано с непрерывными захватническими войнами Чингизидов и как следствие – с созданием постоянных силовых структур как аппарата подавления, на отсутствии каковых степная демократия, собственно, и держалась. «Народ, угнетающий другие народы, не может быть свободным: военная сила, которую он создаёт для их подавления, с неизбежностью оборачивается против него самого», – это ставшее хрестоматийным выражение Ф. Энгельса³⁶, пожалуй, подходит к евразийским кочевникам больше, чем к кому-либо ещё.

Что касается привнесения монголами деспотизма на Русь, то и тут не всё так просто. Так, самодержавные наклонности проявлял Александр Невский. Среди российских либералов модно обвинять Александра Невского чуть ли не в коллаборационизме за то, что он отказался изгнать татаро-монголов, опираясь на союз с Западом. Однако, как представляется, поступок Александра был во многом вынужденным. Надо понимать, что, даже если бы Запад искренне хотел помочь Руси (что по меньшей мере спорно), то монгольская конница разорила бы восставшие русские земли гораздо раньше, чем Запад

³⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века// О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С.45.

³⁵ Трубецкой Н.С. Россия между Европой и Азией... С.72.

³⁶ Энгельс Ф. Польская эмиграция// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд. Т.18. С.509.

пришёл бы на помощь. Об этом пишут, например, Н. И. Костомаров³⁷ или известный историк Русского Зарубежья 1920-1930-х гг. Н. А. Клепишин³⁸.

Самодержавные тенденции, конечно, не минули и прочих князей, которые быстро усвоили привычку грозить «позвать татар» при любом недовольстве подданных их политикой. Со своей стороны, руководство Орды быстро усвоило, что с одними князьями дело иметь легче, чем ещё и с боярами, не говоря уже о народных массах, и поддерживало укрепление деспотических тенденций в княжеской власти³⁹.

Таким образом, если Россия при Николае I была «жандармом Европы», то Орда вполне может быть названа «жандармом Руси». Но в обоих случаях «жандарм» был внешней силой, способной затормозить прогрессивное развитие «охраняемых», но бессильной его остановить. Неудивительно, что после свержения ордынского ига в 1480 г. Московия стала европейской страной. Об этом много пишет крупный специалист по отечественной истории, с 1974 г. живущий в США, автор трилогии «Россия и Европа» (в трёх книгах – «Европейское столетие России 1462-1560», «Загадка николаевской России 1825-1855», «Драма русского патриотизма 1855-1921») А.Л. Янов.⁴⁰

Вот завещание Дмитрия Донского: «Я ... с вами [боярами – Г.С.] княжил, воевал вместе с вами на многие страны...», а следующая фраза обращена к наследникам: «Слушайтесь бояр, без их воли ничего не делайте»⁴¹. Ещё один миф русской истории также связан с проблемой ордынского ига: если Московия не заимствовала свою деспотическую систему правления прямо у Золотой Орды, то вынуждена была создать такую же в борьбе за своё национальное существование. Этот взгляд тоже стал «общим местом» в историографии России. Даже Н. П. Павлов-Сильванский, отстаивавший европейский характер России, настаивал тем не менее, что «упорная борьба за существование с восточными и западными соседями» требовала «крайнего напряжения народных сил», в результате чего «в обществе развито было сознание о первейшей необходимости каждого подданного служить государству по мере сил и жертвовать собою для защиты родной земли»⁴².

Но тогда становится непонятно, почему «московской разновидности азиатского деспотизма» не было при Дмитрие Донском, которому действительно пришлось для победы на Куликовом поле «напрячь все силы страны»? А вот что пишет С. М. Соловьёв про правление Ивана III «[Оно] было самым спокойным, ... татарские нападения касались только границ; но этих нападений было очень немного,

³⁷ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Т.1. М., 1995. С.131.

³⁸ Клепишин Н.А. Святой и благоверный князь Александр Невский. Париж, 1927. С.81-82.

³⁹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 116-118.

⁴⁰ См. Янов А.Л. Указ. соч.

⁴¹ Белов Е.А. Историческое значение русского боярства. СПб., 1896. С.29.

⁴² Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди, люди кабальные и закладные. СПб., 1909. С.223.

вред, ими причиняемый <...> очень незначителен <...> остальные войны были наступательными со стороны Москвы»⁴³. Таким образом, ни о какой «борьбе за выживание» и речи не идёт.

Мы видим, что даже империя Чингизидов не оказала негативного влияния (в плане отказа от европейского типа политической культуры) на Русь. Тем более, не могли оказать негативного влияния на Русь дочингизидские, кипчакские евразийские кочевники, равно как и послечингизидские, восстановившие традиционную древнетюркскую политическую систему.

И сами евразийцы-кипчаки достаточно органично вписывались в жизнь тех европейских государств, куда они попадали (прежде всего, Венгрии). Впрочем, и сами венгры – евразийцы, пришедшие из Великой Степи в конце IX в., что не помешало им через несколько веков стать вполне неотъемлемой частью Европы. То же можно сказать и про пришедших на Балканы двумя веками раньше болгар.

И ещё один конкретный пример близости традиционной евразийской политической культуры к европейской. Ч. Валиханов рассказывает нам о казахской судебной системе середины XIX в. Так вот, казахский суд биев имел ряд чисто европейских черт: практически неограниченную адвокатуру, процедуру обжалования и ряд ругих. Однажды казахской верхушкой было принято решение назначить четырёх главных биев, «биев над биями», однако массовые народные протесты принудили казахских правителей отменить это решение.⁴⁴ Обратим внимание: речь идёт не о замене «плохих» биев «хорошими» (подход, характерный для Востока), но о принципиальном неприятии изменения, которое власть хочет внести в политическую (в данном случае – судебную) систему.

Наконец, и нынешние евразийские государства демонстрируют тип политической культуры весьма определённый. И в Грузии, и на Украине, и в Киргизстане оппозиция играла на том же правовом поле, что и власть. Никто не ставил под сомнение саму необходимость легитимной, путем выборов системы формирования и смены действующей власти. Просто оппозиция выражала сомнение в том, что власть способна честно провести выборы, поэтому оппозиции ничего другого не остается, как идти «на майдан» (насколько обвинения в выборных махинациях в каждом конкретном случае обоснованы – другой вопрос). Поэтому все «цветные» революции так или иначе приурочиваются к моменту проведения выборов.

Таким образом, как власть, так и оппозиция исходят из признания легитимности выборов и «диктатуры закона», соблюдая «момент легитимности, по крайней мере внешней». Так было в Грузии и на Украине, так было и в Киргизстане. В последнем 19 февраля 2005 г., в одном из периферийных районов был объявлен мораторий на проведение митингов (за неделю до выборов, в самый пик предвыборной агитации). А несколько дней спустя был снят с регистрации кандидат от оппозиции по обвинению

⁴³ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1960. Кн.3. С.174-175.

⁴⁴ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. С.207, 210-211.

в «подкупе избирателей». Очевидно, его сторонников хотели лишить возможности протестовать против снятия их кандидата.

Но и после него движение протеста носило в основном мирный характер – имели место массовые митинги с требованием пересчёта голосов и лишь отдельные попытки захватить или блокировать органы власти. По-настоящему волнения, сопровождаемые насильственными действиями, начались лишь после объявления 14 марта 2005 г. результатов второго тура выборов⁴⁵.

Но вернёмся к проблемам развития нашей страны в годы «татаро-монгольского ига» и в последующие. «Ордынское иго», как мы видели, не смогло изменить политическую культуру Руси. Если, как считает А. Л. Янов, это сумела сделать «самодержавная революция» Ивана Грозного после 1560 г., то причины надо искать другие. Но это отдельная тема. Я посвятил ей специальную работу. Здесь отмечу только, что, как мне представляется, Опричнина сумела свернуть Россию с европейского пути примерно на полвека (до 1612 г.), а поскольку при первых Романовых её последствия до конца искоренить не удалось, она порождала рецидивы и в дальнейшем⁴⁶.

Евразийская политическая культура гораздо ближе к средневековой Европе, чем к Востоку. И пример евразийских народов, переселявшихся на территорию Европы (венгры, болгары) показал, что они способны эволюционировать в формировании европейского типа политической культуры и дальше. В принципе, способны к этому, судя по всему, и народы, оставшиеся в пределах Евразийской общности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
2. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
3. Белов Е. А. Историческое значение русского боярства. СПб., 1896.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
5. Бицилли П. М. Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
6. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1952.
7. Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории// Евразийский временник. Париж, 1927.
8. Винтер Д. Опричнина: от Ивана Грозного до Путина. М., 2014.
9. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь М., 1993.
10. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993.
11. Гумилев Л. Н. Чёрная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
12. Гумилёв Л. Н., Куркчи А.И. Чёрная легенда// Хазар. 1989. № 1-2.

⁴⁵ Хронология событий после 29 декабря 2004 г. – по: Киргизский переворот. М., 2005. С.13-22.

⁴⁶ Подробно см.: Винтер Д. Опричнина: от Ивана Грозного до Путина. М., 2014.

13. Евзеров Р. Я. Евразийские идеи в контексте эволюции СНГ// Переходные процессы. Проблемы СНГ. М., 1994.
14. Евзеров Р. Я. Евразийский выбор России // URL: <http://www.evraz-info.narod.ru>. Дата обращения 29.11.2014.
15. Исаев И. А. Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства» // Проблемы правовой и политической идеологии. М., 1989.
16. Капаев И. Бессмертная смерть. Ставрополь, 2004.
17. Киргизский переворот. М., 2005.
18. Клепишин Н. А. Святой и благоверный князь Александр Невский. Париж, 1927.
19. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Т.1. М., 1995.
20. Крижанич Ю. Политика. М., 1968.
21. Масанов Н. Э. Взаимодействие естественно-природных и социально-экономических факторов в историко-культурном развитии кочевого общества. М., 1989.
22. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973.
23. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
24. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, люди кабальные и закладные. СПб., 1909.
25. Петров Дм. Европейец в России // Новая газета. 12 ноября 2014.
26. Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
27. Пономарева Л. В. Типология евразийства // Евразийская перспектива.
28. Савицкий П. Н. Евразийство// Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925.
29. Ситнянский Г. Ю. Либеральное евразийство – оксюморон или национальная идея для России? // Центр Востока и Запада. 2012. 14 апреля. URL: <http://www.meso Eurasia.org/archives/8630>. Дата обращения 29.11.2014.
30. Соловьёв С. М. История Росси с древнейших времён. М., 1960. Кн.3.
31. Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
32. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
33. У истоков кыргызской национальной государственности. Бишкек, 1996.
34. Флоровский Г. П. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
35. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие// На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
36. Энгельс Ф. Польская эмиграция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18.
37. Янов А. Л. Европейское столетие России. М., 2009.
38. Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

BIBLIOGRAPHY

1. Abramzon S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi. Frunze, 1990.
2. Alekseev N.N. Evraziitsy i gosudarstvo// Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn. M., 1993.
3. Belov E.A. Istoricheskoe znachenie russkogo boyarstva. SPb., 1896.
4. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala KhKh veka // O Rossii i russkoi filosofskii kul'ture. Filosofyy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. M., 1990.
5. Bitsilli P.M. Dva lika evraziistva // Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn. M., 1993.
6. Engel's F. Pol'skaya emigratsiya // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 18.
7. Evzerov R.Ya. Evraziiskie idei v kontekste evolyutsii SNG// Perekhodnye protsessy. Problemy SNG. M., 1994.
8. Evzerov R.Ya. Evraziiskii vybor Rossii // URL: <http://www.evraz-info.narod.ru>. Data obrashcheniya 29.11.2014.
9. Florovskii G.P. Evraziiskii soblazn // Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn. M., 1993.
10. Gumilev L.N. Chernaya legenda. Druz'ya i nedrugi Velikoi stepi. M., 1994.
11. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' M., 1993.
12. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii. M., 1993.
13. Gumilev L.N., Kurkchi A.I. Chernaya legenda// Khazar. 1989. № 1-2.
14. Isaev I.A. Idei kul'tury i gosudarstvennosti v traktovke «evraziistva» // Problemy pravovoi i politicheskoi ideologii. M., 1989.
15. Kapaev I. Bessmertnaya smert'. Stavropol', 2004.
16. Khara-Davan E. Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie// Na styke kontinentov i tsivilizatsii. M., 1996.
17. Kirgizskii perevorot. M., 2005.
18. Klepishin N.A. Svyatoi i blagoverniy knyaz' Aleksandr Nevskii. Parizh, 1927.
19. Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. T.1. M., 1995.
20. Krizhanich Yu. Politika. M., 1968.
21. Masanov N.E. Vzaimodeistvie estestvenno-prirodnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov v istoriko-kul'turnom razvitii kochevogo obshchestva. M., 1989.
22. Nabiev R.N. Iz istorii Kokandskogo khanstva. Tashkent, 1973.
23. Nalivkin V.P. Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva. Kazan', 1886.
24. Pavlov-Sil'vanskii N.P. Gosudarevy sluzhilye lyudi, lyudi kabal'nye i zakladnye. SPb., 1909.
25. Petrov Dm. Evropeets v Rossii // Novaya gazeta. 12 noyabrya 2014.
26. Ploskikh V.M. Kirgizy i Kokandskoe khanstvo. Frunze, 1977.
27. Ponomareva L.V. Tipologiya evraziistva // Evraziiskaya perspektiva.
28. Savitskii P.N. Evraziistvo// Evraziiskii vremennik. Kn. 4. Berlin, 1925.
29. Sitnyanskii G.Yu. Liberal'noe evraziistvo – oksyumoron ili natsional'naya ideya dlya Rossii? // Tsentri Vostoka i Zapada. 2012. 14 aprelya. URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630>. Data obrashcheniya 29.11.2014.
30. Solov'ev S.M. Istoriya Rossi s drevneishikh vremen. M., 1960. Kn.3.

-
31. Stepun F.A. Rossiya mezhdu Evropoi i Aziei// Rossiya mezhdu Evropoi i Aziei: evraziiskii soblazn. M., 1993.
 32. Trubetskoi N.S. Evropa i chelovechestvo // Trubetskoi N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk. M., 1995.
 33. U istokov kyrgyzskoi natsional'noi gosudarstvennosti. Bishkek, 1996.
 34. Valikhanov Ch.Ch. Izbrannye proizvedeniya. Alma-Ata, 1952.
 35. Vernadskii G.V. Mongol'skoe igo v russkoi istorii// Evraziiskii vremennik. Parizh, 1927.
 36. Vinter D. Oprichnina: ot Ivana Groznogo do Putina. M., 2014.
 37. Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven, 1957.
 38. Yanov A.L. Evropeiskoe stoletie Rossii. M., 2009.